

Железный хромец / повесть

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Железный хромец / повесть ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ

Повесть о завоевателе Тимуре из сборника классика русскоязычной литературы советской Киргизии Евгения Колесникова. Помимо «Железный хромец», в сборник вошли повести «Луна – цыганское солнце», «Иван-человек» и «Черная кость», которые со временем также будут представлены в нашей библиотеке. Всем им присуща проблемная общность – это противоборство добра и зла, истинное и ложное в жизни, человек и природа, их органичное единство как одно из основных условий духовной силы человека, чистоты и цельности его натуры.

* * *

И был день мрачный, лихой, как искаженный лик палача в момент совершаемой им казни. Шел дождь, шумный и напорный, временами хлестал налетный ливень, словно ременные плети, и с грозового неба отвесно било прямыми молниями – мятежные злые духи кровавыми посохами стучали о землю, о горы, ударяли и в озеро, в тяжелую воду, меряя глубины, доставая безмолвное дно, не желая того, что оно там, в подводной тиши, объято покоем, – он, покой, для них не потребен. В мире ничто не должно быть покойным: вечная смута – вот удел грешной земли.

На озере, окруженном горами, которые громоздились к тучам, размашисто гуляла буря, обрушивая свою дикую буянь-мощь на невеликий остров, удаленный от песчаного берега, и на этом острове стоял каменный замок. Волны грохотали о стены замка, сотрясая его, но замок был прочен, построен надежно, и ему не являли устрашения самые крутые пенящиеся валы.

В глухой комнате, сумрачной опочивальне, растревоженная молодая женщина – ни пленница, ни жена, ни наложница – стояла у стрельчатого, зарешеченного окна, глядела в мятежную

водоверть, и на ее светлое – даже в тревоге – лицо летели соленые брызги. Опочивальня богата – на полу и на стенах легкие хорасанские ковры, широкий камин, выложенный изразцами, стопа стеганых мягких одеял, топазовый ларец с браслетами, серьгами и ожерельями, высокий мраморный светильник, уже погашенный. А женщина стояла в простом льняном платье, шитом нежной нитью лишь на вороте и на рукавах. Видно, так ее с детства одевала далекая родная земля. Платье – по ней, по крепкому и тугому телу простолюдинки, и большие глаза – по ней, не глаза – два синих глубоких озера, а коса вдоль спины – свисающая желтая ветка ветлы, склоненной над озером.

В маленькое круглое оконце боковой стены, со стороны потайного хода, заглянул безбровый евнух, молчаливый – ни звука, как хворый валух, соглядатай, убедился – она жива, ничего с собой дурного не сделала, и боязливо скрылся. Во внутреннем дворике замка, на священной чинаре, хоронясь в ее густой кроне, простуженно каркали тяжелые вороны, измоченные дождем, точно тряпье.

И шел дождь, и давила ее тоска, точила кручина. Встала она с постели поздно и, как начинала всякое утро, всякий день, задула светильник, который обычно горел по ночам, подошла к стрельчатому окну, прижалась к решетке, глядя на буйное озеро. Ревущая буря усиливала тоску, которая давила ее душу.

Родимая матушка дала ей дыхание, даровала белый свет. Да только судьба-злодейка содеяла так, что она не видит света божьего. Где матушка ныне, отрада ее единственная, как плачет, убивается, слезами умывается? Разлучили их, мать и дочь, ордынцы поганые. А была она птица вольная, летала по родным рязанским полям и лугам, купала косу в быстрой Оке-реке, целовала её воды. И пришла беда – напали татары, схватили дочь с батюшкой, увезли к хану Тохтамышу, в стольный ордынский город Сарай. Тохтамыш, тать, длинная, сухая жердина – пошли господь ему трижды по трижды переломиться, – казнил отца-кольчужника на базарной площади Таразык, где продавали рабов. Не стал батюшка ковать хану кольчуги: «Не пойдет татарва в

моих кольчугах на русичей!» А ее Тохтамыш держал в своем гареме. Да она ему, татю, не далась, послало небо силушки! Он и отдал ее, непокоренную, эмиру самой сильной страны – Самаркандии. Зовут этого эмира – Тимур. А в людях прозывают – Железный хромец. Зять монгольский, не краше Тохтамыша. Глаза б на него не глядели! А между матерью и дочерью – даль несусветная, пески сыпучие, ветры жгучие, горы скалистые, секиры острые. Была она певучая птица, а теперь в клетке, окна решетчатые, у дверей – стражники скуластые. Брошена она в пучину горя. И тяжело, и тошно, и не стало ей ни есть, ни пить. Лучше могила. Но за нею неусыпно следят, как бы руки на себя не наложила. А все же она знает; эмиру не покорится, Перед глазами – батюшка в цепях, окровавленный, железом каленым мученный. Смерть примет – не покорится. Да только как принять смерть? Ведь живет одной думой: свидеться с родимой матушкой!..

На двери с плотной занавесью тонко зазвенел колоколец, подвешенный крученым шнуром. Вошла служанка в цветастых шальварах и тюбетейке, пленная персиянка по имени Тамуса – брови густо наведены сурьмой, низко поклонилась.

– Настало время принять пищу аллаха, госпожа! Я сюда подам завтрак.

Она внесла большое серебряное блюдо, а на блюде – желтый сыр, золотистый мед, янтарная алыча; поставила блюдо на низкий круглый столик.

– Тамуса, сестрица, – сказала молодая женщина; она обращалась к служанке не как к пленнице, а как к своей подруге по злосчастью. – Я тебя упрашивала; не зови меня госпожой. У меня есть имя. И ты знаешь – меня зовут Ока.

– Нет, госпожа, так пожелал повелитель. А его желание – для всех закон.

– Сегодня непогодь, и дворецкий нас никуда не пустит.

– Да, госпожа, не разрешит пустить. А ну как вы простудитесь! Тогда с него – долой голова.

– А где бахадур Джалал?

– Верно; уехал в горы, к кипчакам и киргизам, братъ джизью. Это дань. Понимаете?

– В долгой неволе я уже научилась говорить, как говорят ордынцы и турки.

Тамуса осмелилась улыбнуться, притом с лукавством:

– Вы так смотрите на бахадура Джалала.

Ока не осерчала на ее лукавство, ответила спокойно:

– Лучше глядеть на бахадура, храбреца, чем на эмира. Барс благороднее льва.

– Я это знаю.

– А знаешь, что наметил на этот день шейх? Снова вливать в мою душу яд ислама?

– Так, госпожа. Наш духовный бальзам – вам яд. После завтрака шейх ждет вас в Голубой зале.

И Тамуса ушла в свою обитель – маленькую угловую комнату.

Голубая зала женской половины замка была тоже отдана в распоряжение Оки; эмир ведает: женское сердце особенно благосклонно к роскоши – роскоши белья, обстановки, одежды, обслуги. В зале пол выложен квадратными керамическими плитами – белыми и черными, как шахматная доска: эмир любит эту мудрую игру; стены от пола – изразцы с голубой глазурью, а сверху висели ковры, на коврах – боевое оружие и конская сбруя: дамасские сабли с тонкой насечкой, кинжалы с костяными рукоятками, седло, окованное медью и серебром, уздечка с бронзовыми бляшками, – это для того, чтобы молодая хозяйка залы привыкала ко всему, чем жил эмир, хозяин замка. Посреди

залы, в окружении колонн с навесом, возвышался деревянный резной помост – это айван с супою, застланной ковром, с парчовыми подушками. По углам стояли бронзовые столики с бортиками, на них – священные светильники; эти светильники горели днями и ночами – так, по совету шейха, приказал эмир: огонь выгонит хворь молодой госпожи – дух непокорности.

Ока прошла в Голубую залу, шейха там еще не было; она удивилась его отсутствию, потому что он всегда приходил первым и ожидал ее, ожидал нетерпеливо: теперь его высшая миссия – обратить строптивую руску Оку с крестом на груди в мусульманку; любовь повелителя требует женской любви его истинной веры.

В это время к замку прискакал гонец на взмыленном иноходце:

– Слушайте, слушайте! Великий эмир, щит ислама в десяти фарсах от Малого жилища!

Дворецкий, начальник охраны замка, стражники с пиками и ятаганами, в шлемах с красными косицами забегали, наводя порядок везде – на переднем дворе, обнесенном высоким мощным частоколом, в самом замке, в гулких, безмолвных залах и комнатах, в подземелье, где находились склады с оружием, провиантом и темница для самых опасных узников – неприятелей Мавераннахра, – безупречным порядком надлежало встречать великого эмир-гургана Тимура. Ока и не заметила, как в зале появился шейх Береке – главный духовник повелителя; он, за длительную жизнь иссушенный молитвами, в шелковом халате и белой чалме, с четками, всегда двигался бесшумно, как бесшумны должны быть все верные служители всевышнего. Шейх отметил, что хозяйка Голубой залы чрезмерно печальна, лицо ее скорбно, а душа смутна, а все это при благостной вести – едет повелитель – совсем неуместно, неприлично.

– Почтенная госпожа, подобное выражение горя у правоверных предосудительно, ибо все дано волей аллаха, – сказал размеренным голосом шейх, так же размеренно перебирая

перламутровые четки.

– У меня другой бог, – ответила Ока и тронула крестик на груди, под платьем.

– Смута владеет твоей душой. А в коране все мудро и ясно, он непогрешим, как и посланник аллаха – пророк Мухаммед, – шейх Береке, когда говорил, смотрел не в лицо, не в глаза тому, к кому обращал свою речь, а мимо, в сторону, словно там, куда он устремлялся взором, видел аллаха и пророка Мухаммеда. – Аллах... Из капель его пота даже вырастают розы.

– А у меня вырастают слезы горючие.

– Это происходит потому, что разум твой замутнен духом неверных. В коране сказано: «Рай божий – блеск и радость. Там будут разносить золотые блюда и кубки, и в них будет все, что пожелает душа, чем услаждаются очи. В нем, в раю, реки из воды, не знающей смрада, реки молока, вкус которого не изменяется, реки вина, приятного для пьющих, реки из меда очищенного...» Ты не можешь не желать этой благодати, госпожа. И ты будешь ее иметь. Что для этого необходимо? Блюсти главный завет аллаха: «Будь терпелив в несчастье, какое постигает тебя. Все во власти бога». Ни один лист древесный не падает без его ведома. Люди могут хотеть лишь то, чего хочет бог, господь миров.

– Как же ваш бог узнает мое желание, коли он далеко и не слышит меня?

– Пророк сказал: царь – тень бога на земле. Наш царь – великий эмир. И долг твой, госпожа, быть покорной земному владыке.

– Однако ж он другой веры! – не выдержала Ока твердой, монотонной размеренности шейха.

– Вера у вас разная. Но это для любящих сердец невелик грех. Скажу тебе: у монгольского хана Тули жена была дочерью христиан. Она добилась – ее сын Мункэ стал великим ханом. Если

хочешь, чтобы тебя всегда обнимало счастье, внемли словам моим, Верь мне. Мое слово – провидение. Давно, лет тому уже будет, наверное, двадцать, пришел я из Мекки в Мавераннахр, Междуречье, в город Кеш. Владел этим городом молодой бек барласского племени Тимур. Пришел я к нему во дворец и увидел в его глазах, горевших подобно свечам, великое будущее. И вручил я молодому беку зеленое знамя ислама и барабан – символы власти. Сказал: «Тебя ждут великие деяния, которые прославят твое имя на все земли и на все века!» И вышла истина. И стал я духовным отцом повелителя.

Во внутреннем дворике, сотрясая крону чинары, шумно каркали вороны.

– Довольно, я утомлена вашими наставлениями, – сказала. Ока. – В зале душно от светильников! Я пойду на террасу, – и она, окрыля плечи широким шерстяным платом, вышла на боковую террасу, которая находилась с подветренной стороны.

Волнами унесло полдня, и на каменисто-песчаном берегу озера появился тот, о ком оповестил гонец. Ока увидела его среди других издали, сразу узнала – он сидел в седле немного боком, криво, сутулясь. Войсковой отряд – десятая часть тумена, тысяча – шел легкой рысью; впереди охранные конники со щитами и мечами, за ними ехал сам Тимур в красном халате, в островерхом шлеме с чеканкой, пояс отделан инкрустацией, конь весь в начищенных бляхах. Великого эмира окружали отборные, самые верные нукеры, они держали зеленое знамя с желтым полумесяцем у острия древка, с тамгой и с красным конским хвостом; тамга, особый эмирский знак – ключ – свидетельствовал: Тимур откроет все, что захочет, что повелит ему сердце и разум. Позади двигались основные воинские силы в кольчугах и латах, с колчанами и луками, а за ними, вдалеке, тянулся обоз – вьючные верблюды и узкие арбы с мешками, корзинами и бурдюками; по всем признакам, эмир надолго пожаловал в Малое жилище.

Берег соединялся с островом деревянным мостом на сваях.

Середина моста поднималась канатами, которые натягивались воротами, установленными на острове, – ни напасть врагам с берега, ни убежать узникам из замка. Когда Тимур проезжал по мосту, Ока уже совсем разглядела его лицо, темное, утомленное, морщинистое, исхлестанное дождем; со свисающих усов и острой бороды стекали дождевые струйки – будто владыка в гадком, но высокомерном отвращении омывал лицо, однако это никак не вязалось с его внутренним состоянием – он ехал в замок с чувством бодрой молодости. Тысяча разбила на берегу лагерь – поставили шатер эмира-тысячника, вокруг шатра – десять кругов по десять юрт, каждая юрта для десяти воинов, начали разводить костры из сухостойного кустарника, веток арчи и привезенного на арбах саксаула; дождь уже утихал, озеро понемногу успокаивалось, и среди туч проглянули горные вершины, вечно осыпанные снегами. В замок проследовали только Тимур и встретившие его посреди моста дворецкий, шейх Береке и бахадур Джалал, который к этому времени вернулся из кипчак-киргизского улуса, кочевавшего на горных пастбищах, – только эти люди знали истинную цель, которая привела повелителя на далекое озеро, на этот маленький островок, где едва умещался замок. Тимур устал в дороге и сразу удалился в покои мужской половины замка, объятого тишиной – охранники ходили на цыпочках, слуги, пришибленные неволей, не высывались из подвальных клеток, привратники у дверей стояли не дыша. Он снял шлем и халат, велел слуге принести кувшин с водой, умылся над сточным желобом в нише, вылил на спину всю воду – смыл усталость, растер тело мягким полотенцем, не позволяя этого делать слуге; после омовения прилег на разостланные одеяла – нога ныла с непогоды. Глянул в окно, увидел – над горными склонами кружил орел, высматривая добычу; сколько эмир повидал хищных степных и горных стражей – что ж, птицы как птицы, как все живое, и они есть хотят, а этот, в сей особый час, подействовал на него своей скрытой жадой – немедленно иметь добычу. И недолго лежал повелитель, он облачился в свежее одеяние и прошел в Голубую залу, веля шейху Береке привести туда светлолицую руску – ни пленницу, ни жену, ни наложницу, – ту, у которой глаза – синие озерки, а коса – желтеющая ивовая ветвь.

Ока шагнула через порог в том же льняном платье и узких башмаках с загнутыми носками. Тимур сидел на айване, на круглых парчовых подушках – одна нога подогнута, на супе, другая в мягком сапоге, не сгибающаяся в колене, опущена с супы, правая рука, совсем высохшая, почти мертвая, лежала неподвижно на маленькой подушечке; он щурил припухшие глаза, особенно левый, тяжелое веко дергалось, закрывая этот глаз, воспаленный, косящий, и со стороны казалось, что эмир крив, без левого глаза. Тимур был одет в бархатный халат, перетянутый красным кушаком, на голове – белая шапка, отороченная мехом, с тремя зелеными полукругами – знаком того, что владелец этой шапки есть Повелитель трех сторон света, а среди полукружий кровянеп крупный рубин. И несмотря на уродства – искалеченные ногу и руку и полуприкрытый, словно выбитый глаз, – эмир, сидевший прямо, выглядел сильным и властным человеком – высок, широкоплеч, обожен азиатским солнцем и ветрами, вроде отлит из бронзы, темная жилистая шея, густые выгнутые брови, рыжая борода клином, с проседью. В левой руке он держал хрустальный кубок с вином, перед ним на блюде – любимая его холодная нежирная баранина, горячие лепешки и фрукты. Огни светильников многократно отражались в глянцевых изразцах, из боковой открытой двери тянуло благовонием – где-то тлела в курильнице пахучая смола.

– В здравии ли твоя плоть и дух, опасливая Ока? – спросил Тимур, и голос его был не для этой залы, громкий и твердый. – Будь любезна, раздели со мной походную трапезу. Я был в Самарканде, а мысли мои ласкали тебя здесь, в островном замке. Но ты снова омрачена. Скажи, чем?

– Я одна.

– Это разве плохо?

– Да.

– Неразумные женщины! Вот моя главная заповедь: если у тебя даже тысяча друзей, никто тебе не ближе, чем ты сам. И это,

знай, истина, которая доказана всей моей жизнью.

– Тогда зачем тебе Ока?

– Хочу, чтобы твоя красота не была безразлична к величию моей державы, – Тимур благоволил к умным и тонким вопросам, речам, говорил то замедленно, глубокомысленно, со скрытым значением, то резко, отрывисто, обыденно. – Трудно понять? Объясню.

Он хлопнул в ладоши. Двое слуг, сирийские арабы, коричневые, обнаженные до пояса, внесли в залу кованый ящик, поставили на айван перед владыкой, затем, пятась и кланяясь, ушли, откуда появились. Тимур открыл ящик, с чрезвычайной осторожностью вынул что-то завернутое в плюш, бережно развернул – на плюше лежал золотой венец. Ока вскинула руку к глазам, прикрыла их ладонью; равнодушная к роскоши, которой ее докучливо окружали, относившаяся к ней даже с неприязнью – роскошь неволи не сладка, она была внезапно ослеплена возникшим чудом: чистейшего золота чеканенный зубчатый венец, искусно украшенный алмазами и жемчугом, с тремя изумрудными полукружьями – зелеными лепестками спереди, он радужно переливался, сиял разноцветными искрами. Тимур взял венец, поднялся с айвана и направился к желанной его суровому сердцу женщине, прихрамывая на правую ногу, протянул ей венец:

– Да увенчает он благоразумие!

Ока, опасаясь невольно схватить магический венец и прижать его к груди, а это означало бы, что потом ее голову будет прижимать к своей груди эмир, слишком резко отстранилась, отскочила в угол, задела столик со светильниками, из них выплеснулся жир; он плеснулся на столик, на пол и загорелся, зачадил. И эта дерзость не привела Тимура в негодование, только глаза полыхнули свечами, колеблемыми порывистым сквозняком.

– Венец этот не прост, он освящен на Чаткале, в источнике Обирахмат. Благодатная вода. Из того источника утолял жажду сам Искандер Македонец. Щит ислама – я, а не Искандер, но пророк

назвал его праведником. Наденешь венец – и станешь хозяйкой всего Мавераннахра. Даже моя старшая жена, великая госпожа Мульк-ханым не посмеет повесить на тебя голос.

Ока молчала, и ее глаза плескались протестующей синевой. Жир на полу чадил, по зале плыл смрад, вытеснял смоляное благовоние.

– Смотри, ты стоишь на черной клетке, – указывая на черно-белый, шахматный пол, сказал Тимур. – Я поставлю тебя на белую клетку. Мне подвластна любая фигура, и любую могу поставить на любую клетку. Разумеется, по справедливым законам игры. Силой я тебя не буду ставить. Ведь я, кроме эмир-гургана, еще и мужчина. Каждая женщина, живущая под луной, считает за высокую честь попасть в мой гарем, жить в сказочном Самарканде, городе городов. Но слуги аллаха еще не изгнали твой недуг – отвержение блага.

Тимур снова хлопнул в ладоши, уже с заметным раздражением – все же что-то вывело его из равновесия, из неколебимой размеренности, занятой у шейха, – вызвал дворецкого и, не достаивая чести повернуться к нему, бросил желчно: – Что у тебя за стража, если не может разогнать паршивых ворон!

При внешней сдержанности Тимур был охвачен горячечным нетерпением – обладать этой русской. Он помнил свою первую девушку, туркменку, ее тонкую шею с родинкой и плач, умоляющий пощадить юность; он пылко полюбил порывистую, как лань, Ульджай, сестру джаллаира Хусейна, его сподвижника по боевой молодости, горячо пленился смуглой красавицей Мульк-ханым, взятой из гарема того же Хусейна, уже ставшего джаллаирским эмиром и врагом железного барласского бека; покорную, податливую на любое слово Туман привел в свою постель двенадцатилетней девочкой, пахнувшей парным молоком. Все эти жены, да и гаремные наложницы, вздыхающие беспрестанно ночами – повелитель не прикасается к ним, со временем стали как черствые лепешки; к великой госпоже Мульк-ханым он приходил решать то или иное дело и не снимал пояса с халата – она

понимала: не соизволит лечь на ее одеяла и подушки. Все было, все проходило. Но такое острое желание владеть женщиной, которое вызывала дочь далекой и пока незнакомой ему Руси, загадочной своей недоступной протяженностью, эмир-гургану еще не являлось. Она, дочь Руси, должна сама покориться ему, как женщина желанному мужчине, – вот заветная отныне цель владыки. То была его великая тайна.

Евгений КОЛЕСНИКОВ. Taryhy proza